

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

ВЕСЕ

ЕЖЕГОДНИК
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
И КУЛЬТУРЫ

2021

Санкт-Петербург
2021

ВЕЧЕ

**Ежегодник
русской философии
и культуры – 2021**

СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2021. – 312 с.

Главный редактор

Е.Г. Соколов

Заместитель редактора

А.Е. Рыбас

Редакционная коллегия

**А.В. Малинов, Е.А. Маковецкий,
И.И. Евлампиев, С. Г. Коленько**

Редакционный совет

**Н.И. Безлепкин, А.И. Бродский,
В.М. Дианова, Е.А. Овчинникова, И.Д. Осипов**

Версия в Интернете: <http://philosophy.spbu.ru/1405/8737>

Адрес электронной почты: rusphil@mail.ru

© Редколлегия номера, 2021

© Авторы статей, 2021

© Санкт-Петербургское
философское общество, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Евлампиев И.И.</i> Русская религиозность между эсхатологией и революцией.....	6
<i>Маковецкий Е.А.</i> Триадология и философия Другого: перспективы диахронического анализа.....	25
<i>Коробкова С.Н.</i> Атмосфера критицизма в русской философии второй половины XIX века.....	36
<i>Михайлова Е.Е.</i> К.Д. Кавелин: Заграничные поездки и встречи как способ научного сотрудничества.....	48
<i>Малинов А.В.</i> Философия в Академическом университете.....	60
<i>Пешперова И.Ю.</i> Первые опыты профессиональной философии в России.....	67
<i>Рыбас А.Е.</i> Свобода как естественный атрибут человека: идеи русских эмпириокритиков.....	75

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Соловьев В.М.</i> Вячеслав Пьецух: между двумя полюсами вечности	88
<i>Матвеева И.Ю.</i> Образ Медного всадника и формирование имперского мифа в русской литературе XVIII – начала XX века.....	101
<i>Коленько С.Г.</i> Руководитель и его подчиненные в образах Ветхого Завета	123

<i>Рыбас А.Е.</i> Петербург М.С. Кагана: опыт философского осмысления	138
--	-----

ИСТОРИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

<i>Баринов Д.А.</i> Исаак Маркович Альтер (1892–1937) – философ, историк, оппозиционер	150
<i>Боднарчук Д.В.</i> Протопресвитер армии и флота Георгий Иванович Шавельский как историк	160
<i>Раковский Д.О.</i> Историк Григорий Ульман (1904–1988): веки жизни и научной деятельности	167
<i>Ростовцев Е.А.</i> Санкт-Петербургский университет в советской историографии и коммеморативных практиках (1919–1939)	174
<i>Сидорчук И.В.</i> История для рабочих: вечера воспоминаний рабочих Петрограда/Ленинграда 1920-х – нач. 1930-х гг.	190
<i>Сосницкий Д.А.</i> Публичная библиотека как «тихая гавань» для историков первых послереволюционных лет	200
<i>Тихонов И.Л.</i> Ленинградский историко-лингвистический институт: от кризиса к возрождению исторического образования	208
<i>Жуковская Т.Н.</i> Наука и политика в судьбе историка Андрея Николаевича Шебунина (1887–1942)	224

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

<i>Черных А.А.</i> Проблемы мозга и воспитания в монистическом материализме Н.А. Добролюбова	237
<i>Волкова Е.А.</i> Развитие геополитической мысли в научной школе В.И. Ламанского на примере работ В.П. Семенова-Тян-Шанского: от учителя к ученику	254

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.</i> Карта памяти современного российского общества: аналитический обзор	263
Восьмые международные чтения по истории русской философии «Русская философия на Родине и в изгнании». Тезисы докладов секции «Идея империи и идея революции в русской философии» ...	290
<i>Малинов А.В.</i> Стратегии определения империи: случай В.И. Ламанского.....	290
<i>Матвеева И.Ю.</i> Образ «медного всадника» в русской литературе и идея империи	293
<i>Тантлевский И.Р.</i> Библейские пророки- «государственники», янсенистская Библия Пор-Рояля и «пророческое преображение» А.С. Пушкина	294
<i>Светлов Р.В.</i> Идея империума в моделях «культурно- исторических типов» русских философов истории	296
<i>Смирнов В.Н.</i> Немецкий романтизм и русская общественная мысль: между империей и революцией	298
<i>Слободковский С.В.</i> Место политический воззрений Вергилия в философии В. Соловьева	299
<i>Куприянов В.А.</i> Механицизм и телеология в социальной онтологии С.Л. Франка.....	300
<i>Шахова Д.С.</i> Русская либеральная мысль в лице П.И. Новгородцева: критика революции и поиски срединного пути ..	301
<i>Норкина Е.С.</i> Русско-еврейская интеллигенция начала XX века о России и революции (на примере взглядов А. Идельсона).....	303
<i>Евлампиев И.И.</i> Русская философия об историческом предназначении России: всемирная империя или всемирная революция	304
АВТОРЫ НОМЕРА	307
CONTENTS	309

Е.А. Маковецкий

ТРИАДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ДРУГОГО: ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАХРОНИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Сопоставительный анализ теоретических оснований триадологии и философии Другого важен как для понимания концепций, возникших в рамках философии Другого, так и для определения места византийской философии в истории философии. В статье выявляются точки концептуальных пересечений триадологии и философии Другого, формулируются предпосылки диахронического анализа, описываются его перспективы.

Ключевые слова: философия Другого, история византийской философии, триадологическое богословие, современное общество, концепция личности.

Маковецкий Евгений Анатольевич – доктор философских наук, профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Введение

Сегодня, по прошествии двух десятилетий с конца XX в., можно достаточно уверенно определить интеллектуальные и культурные доминанты ушедшего столетия. На наш взгляд, одним из самых заметных явлений в философии прошлого века стала философия Другого.

Такая уверенность обусловлена множеством обстоятельств: многие выдающиеся философы ушедшего столетия так или иначе приняли участие в разработке вопросов философии Другого; концепции этого направления мысли на протяжении столетия находились в эпицентре социально-философских, психологических и социологических исканий, их социальная значимость для XX в. несомненна; у философии Другого нашлись ресурсы и для разработки традиционных для философии вопросов (например, проблематика времени, личности, смерти) и т.д.

Сейчас мы можем лишь весьма приблизительно оценивать, в каких направлениях приложение результатов философии Другого окажется наиболее плодотворным – в социально-антропологическом, социально-политическом или, возможно, даже онтологическом, как предполагал Э. Левинас? Ответ на этот вопрос можно будет получить уже в недалеком будущем. Сейчас же важнее, на наш взгляд, понять, какое место философия Другого занимает в историко-философском процессе, определить основные источники концептуальных инвестиций в философию Другого.

Можно достаточно уверенно говорить о том, например, что, с одной стороны, важнейшими теоретическими основаниями философии Другого являются феноменологическая концепция интерсубъективности, а также экзистенциалы отчаяния и одиночества, описанные в рамках экзистенциализма. Но, с другой стороны, при всей очевидности богословских инвестиций в философию Другого, очевидность эта за редкими исключениями не разрабатывается систематически в плане терминологического и особенно концептуального анализа заимствований и пересечений. Поэтому мы стремимся определить степень близости концепций философии Другого с теми идеями, которые возникали в рамках триадологического богословия на протяжении Поздней Античности и всего Средневековья. Представляется, что только обращение к этому теоретическому истоку философии Другого позволит глубже понять ее концептуальную структуру.

Чтобы увидеть перспективы диахронического анализа, в рамках которого предполагается сопоставление терминологий и концептуальных аппаратов триадологии и философии Другого, необходимо, на наш взгляд, решить три задачи.

Во-первых, необходимо убедиться в существовании концептуальной близости между триадологией и философией Другого.

Во-вторых, следует оценить те потенциальные перспективы, которые открываются при проведении названного диахронического анализа для развития концепций философии Другого и шире – современных социальных и антропологических концепций.

В-третьих, если подобный сравнительный анализ концепций вряд ли может оказаться продуктивным для триадологии, являющейся ядром христианского богословия, то для истории позднеантичной, а особенно византийской философии, такой анализ может оказаться чрезвычайно насущным. Это связано с тем, что история византийской философии изучается сравнительно недавно и основные открытия здесь еще впереди. Философия Другого дает нам прекрасный историко-философский шанс проникнуть в основание философской проблематики Поздней Античности и Восточного Средневековья. Философская сторона триадологии, даже редуцированная до проблем аргументации и концептуальных заимствований, представляется чрезвычайно выразительной и вполне репрезентативной для византийской философии. Сама перспектива обнаружения содержательной близости концепций, расстояние между которыми измеряется столь огромным диахроническим шагом, способна придать устойчивый импульс историко-философским изысканиям. Короче говоря, принять возможность видеть византийскую философию в свете философии Другого, попытаться обосновать уместность такого историко-философского ракурса – в этом и состоит третья из перспективных задач, которую мы стремимся сформулировать в статье.

Новизна сопоставительного анализа концептуально-методологических оснований триадологии и философии Другого видится нам в двух следующих аспектах.

Во-первых, начиная с XIX в. исследования философского содержания триадологии и других богословских направлений византийской мысли велись по очень простой схеме: платонизм-аристотелизм. Такая идентификация философских подходов имеет под собой несомненное историко-философское основание. Однако и сами эти традиции древнегреческой философии

фии понимаются предельно широко, а значит, и используются крайне условно, и, самое главное, при таком разборе ускользает самое существо рассматриваемых богословских концепций. Например, триадологическая проблема соотношения сущности и ипостаси может быть разобрана на фоне аристотелевского понимания первой и второй сущности, но при этом главное – генезис понятия личности – от внимания исследователей ускользает, поскольку ни Платон, ни Аристотель о личности в нашем понимании этого термина ничего не говорили. В этой ситуации необходимо расширение спектра подходов к философской проблематике той же триадологии. Так, мы не отказываемся от применения традиционной схемы «платонизм-аристотелизм», но дополняем ее диахронической схемой: триадология-философия Другого. И уже применение этой схемы позволяет «заметить» и проанализировать генезис концепции личности в триадологии.

Второй аспект новизны, возникающий при сопоставительном анализе триадологии и философии Другого, заключается в появляющейся возможности применения триадологических установок к философии Другого. В самом деле, если религиозный контекст в самом широком смысле не раз становился фоном для исследования концепций некоторых интересующих нас авторов (в первую очередь М. Бубера и Э. Левинаса), то другие авторы (Ж. Делез, Ж.-П. Сартр) достаточно редко рассматривались в этом контексте. Но сам по себе этот путь анализа может оказаться весьма продуктивным, поэтому им не стоит пренебрегать. Но, главное, у авторов философии Другого мы встречаем ряд концепций, прямо восходящих к триадологической проблематике, например, концепцию двойной внутренней негации в «Бытии и ничто» Ж.-П. Сартра, концепцию образа и подобия в «Симулякре и античной философии» Ж. Делеза, концепцию гипостазирования во «Времени и Другом» Э. Левинаса. Разумеется, для анализа этих концепций необходимо применение тех методологических установок, в которых они возникли. В нашем случае необходим сопоставительный анализ концепций триадологии и философии Другого. Итак, второй аспект новизны состоит в следующем: прочитать «триадологические» концепции философии Другого, пользуясь адекватным методом.

Двойная актуальность диахронического исследования

За полтора века своего существования византинистика как междисциплинарная наука, предметом которой являются ис-

тория и культура средневековой Римской империи, достигла впечатляющих результатов. Однако результаты эти принадлежат, главным образом, историкам, археологам, филологам и богословам. К сожалению, для философов Византия продолжает по преимуществу пребывать в статусе *Terra incognita*. Одной из причин такого положения дел являются своего рода междисциплинарные трения, возникающие между философией и другими науками за право распоряжаться «интеллектуальной собственностью» средневековых римлян. Однако, спор этот малопродуктивен, особенно для философии. Как справедливо заметила современный историк средневековой философии К. Иерадиакону [1, с. 2–3], во-первых, система аргументации, содержащаяся даже в исключительно богословских трудах, ни в чем не уступает той, которую мы встречаем у признанных философов. Во-вторых, практически все философские доктрины в той или иной степени связаны с богословием, и византийская философия не является здесь исключением. Наличие в ней религиозного содержания не может, поэтому служить основанием для ее исключения из историко-философского процесса. Наконец, в-третьих, сами византийские богословы и философы достаточно четко видели границу философии и богословия, различая мудрость церковную (богословие) и мудрость внешнюю (философия), никогда не отказывая последней в ее высоком статусе и уж тем более в праве на существование. И если даже византийские богословы отдавали должное современной им философии, то тем более философия вызывала уважение внутри «светской», или гуманистической части византийской культуры.

В результате изучения философского наследия Византии возникло понимание того факта, что византийская философия сыграла решающую роль в трансляции античного философского наследия. Между тем, невозможно говорить о византийской философии как о самобытном явлении, пока не будет установлен ее содержательный вклад в историю философии. На наш взгляд, обеспечить обоснование византийской философии как целостного историко-философского явления можно путем выявления влияния оригинальных философских концепций этого периода на развитие философии. В качестве стратегии решения этой задачи и может быть избран анализ влияния философского содержания триадологических концепций на концепции Другого.

Другой – не менее значимый ракурс актуальности диахронического исследования – мы видим в следующем. Эпоха Гуманизма, в свое время кардинально преобразившая европей-

скую культуру, базировалась на том понимании человека, которое было сформировано в рамках античной философии и христианской антропологии. Гуманизм, в конечном счете, стал источником новоевропейской культуры и нового мирового уклада: развитие естественных наук, техники, либеральное устройство общества и пр. Только поняв природу гуманизма, мы можем дать философскую оценку всем этим явлениям, а понять его природу мы можем только благодаря изучению античной философии и христианской антропологии. Расцветшая же в XX в. философия Другого имеет своими основаниями не только феноменологию и экзистенциализм, но также и ряд рациональных оснований триадологической богословия. Так, образ человека в философии Другого существенно отличается от того, который предстает перед нами в трудах тех же гуманистов. Этот образ требует своего исследования и описания. Если понимание философии Другого невозможно без анализа ее триадологических предпосылок, значит, без этих предпосылок мы не имеем возможности приступить и к анализу тех новых явлений, которые сейчас формируют новый образ человека.

Обзор исследовательской литературы

Существует совсем не много исследований, в которых изучаются триадологические предпосылки философии Другого или хотя бы формируется перспектива подобного диахронического анализа. Однако такие работы есть, мы их приведем ниже. Но прежде необходимо кратко описать то уже возделанное исследовательское поле, которое касается нашей темы лишь косвенно, но без которого ни о каком диахроническом анализе не может быть и речи. Это поле сформировано тремя группами публикаций: в первую группу входят работы, содержащие анализ триадологической проблематики, за редкими исключениями это работы богословов и историков церкви; вторую группу составляют философские публикации по философии Другого; к третьей группе исследований относятся историко-философские работы по византийской философии.

Прошло уже более столетия с тех пор, когда в трудах выдающихся византинистов XIX в. были впервые глубоко изучены отдельные аспекты истории философии христианской Римской империи, или Византии [2; 3]. Научные исследования по триадологической проблематике были продолжены на рубеже XIX–XX вв. в период т. н. «золотого века» русской патрологии трудами ученых богословов и историков церкви. Среди этих авторов следует выделить А.А. Спасского, поскольку в своем

исследовании [4] он рассматривает богословские положения в тесной связи с философскими концепциями. Эта традиция была продолжена в патрологических сочинениях тех авторов, которые принадлежали русскому зарубежью: арх. Киприан (Керн), прот. И. Мейендорф, арх. Василий (Кривошеин), прот. Георгий Флоровский. Большой вклад в аналитику триадологической проблематики, разумеется, внесли и зарубежные патрологи: М. Жюжи (Martin Jugie), А. фон Гарнак (Adolf von Harnack), Ж. Даниэлу (Jean Daniélou), Г. Подскальски (Gerhard Podskalsky), А.-М. де Любак (Henri-Marie Joseph Sonier de Lubac), А. Риго (Antonio Rigo), Ж.-К. Ларше (Jean-Claude Larchet), Дж. Бэр (John Behr), Иоанн Зизиулас (John Zizioulas). Несмотря на то, что интерпретации богословских вопросов всегда осуществляются с конфессиональных позиций, тем не менее, за прошедший век патрология достигла впечатляющих научных результатов, которые не возможно не учитывать.

Основными источниками по философии Другого можно считать тексты Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», М. Бубера «Я и Ты», Э. Левинаса «Время и Другой», поэтому в состав литературы в этой группе войдут философские комментарии к названным работам. Среди последних по времени зарубежных работ по этой теме выделим следующие: [5–9]. Проблема Другого глубоко разрабатывается в феноменологической традиции. Здесь, в первую очередь, следует отметить труды Б. Вальденфельса и А. Шюца, а также богатую комментаторскую литературу, посвященную этим авторам. Необходимый ракурс философии Другого раскрывается в трудах по теории идентичности. В концептуальном отношении важны также работы по диалогизму и философии персонализма. Наконец, последний блок литературы, в которой раскрываются образы Другого и Чужого в культуре представляют исследования, главным образом, историков и филологов. Среди такого рода книг выделим сборник статей под редакцией Р.М. Шукурова [10].

К группе исследований по истории византийской философии относятся сравнительно немногочисленные, но чрезвычайно остребованные в рамках нашего исследования публикации. На русском языке был издан ряд статей, монографий по вопросам византийской философии. Среди авторов этих публикаций есть имена выдающихся отечественных ученых: С.С. Аверинцев, А.Ф. Лосев, В.В. Бибихин, В.В. Бычков, И.П. Медведев, Я.Н. Любарский, В.М. Живов, В.М. Лурье и др. Из основных зарубежных работ, посвященных византийской философии, выделим следующие книги: [11–15]. Весьма авторитетной мо-

нографией по истории византийской философии по-прежнему остается указанная книга Василия Татакиса, вышедшая во Франции еще в 1949 г., на испанском языке – в 1952 г., на греческом языке – в 1977 г., на сербском языке – в 1996 г., а на английском – в 2003 г.

Наконец, назовем и те работы, в которых исследуются вопросы христианской антропологии, а их выводы могут быть непосредственно использованы при проведении диахронического анализа: [16–18]. Отметим важность последней книги: авторы исследуют степень и направления влияния каппадокийского богословия на формирование представления о человеке, характерного для христианской антропологии, при этом существенную роль в анализе играет концепция Другого.

Концептуальные параллели

Сравнивая философские подходы участников триадологических дискуссий и авторов философии Другого, необходимо отметить следующее.

Во-первых, то, что объединяет эти два направления мысли в методах исследования можно охарактеризовать как «апофатизм». Разумеется, апофатическая установка господствует в триадологии по отношению к сущности, но точно также и по отношению к ипостасям богословы руководствуются апофатическими принципами, давая характеристики ипостасям через ипостасные различия. Этот подход понятен в рамках христианского богословия, поскольку Бог непознаваем. Но установку такого же апофатического характера мы встречаем и в философии Другого. Например, в концепции первичного отношения к Другому Ж.-П. Сартра Другой оказывается за непреодолимой границей свободы, переход которой означает исчезновение Другого; кроме того, Другого нельзя вообразить, он конкретен и эта его конкретность никак от меня не зависит; наконец, нельзя быть одновременно собой и Другим. Так же «апофатически» определяет Другого и Э. Левинас, давая ему отрицательные определения по сравнению с «существующим».

Во-вторых, этот апофатизм в методологических подходах, присущих как триадологии, так и философии Другого, объясняется характером их «предметов». И параллелизм этих характеров является вторым сходством триадологии и философии Другого. Речь идет о том, что как Троица в триадологии, так и Другой в философии Другого наделяются чрезвычайно высоким онтологическим статусом. Понятно, что в богословии Бог является источником всяческого бытия, но интересно, что

и в философии Другого Другой является, во-первых, источником определенных разделов бытия, а во-вторых, без Другого бытие оказывается невозможным. Так, невыносимым является одиночества у Э. Левинаса, а отношение к Другому становится источником и основанием такой фундаментальной онтологической структуры как время. Другой является оправданием и истиной бытия личности у Сартра. У М. Бубера, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, Ж. Делеза мы встречаем описание стратегий конституирования бытия Другого или Другим, а также стратегий конституирования определенных разделов бытия, применяемых в отношении к Другому.

В-третьих, в равной мере ключевой как для триадологии, так и для философии Другого является концепция личности, начало формированию которой как раз и было положено в рамках триадологических дискуссий, развито внутри христологии и христианской антропологии, приняло привычный вид благодаря Гуманизму и Просвещению, и, наконец, в настоящее время претерпевает значительные трансформации и требует серьезного анализа. На наш взгляд, философия Другого является прекрасным полем для исследования современной концепции личности, поскольку именно в рамках этой философии наиболее очевидно осуществляется возраст к историческим истокам этой концепции, разработанным еще в триадологии.

Выводы

Приведенные параллели указывают на методологическую, концептуальную и, отчасти, терминологическую близость триадологии и философии Другого. Сравнительная разработка проблематики двух этих направлений мысли требует аналитики их методологий, концепций и терминологических аппаратов, т.е. она требует разработки как раз тех «частностей», в которых эти теоретические области демонстрируют наибольшую близость. На какие результаты можно рассчитывать при проведении подобного диахронического анализа? Разумеется, сейчас трудно перечислить все возможные перспективы и предстоящие разочарования, однако некоторые обстоятельства вполне различимы. Например, выявление философского содержания триадологических сочинений позволяет существенно расширить проблемное поле византийской философии, а история философии этого периода получает соответствующий философский контекст. Другой пример: анализ общих методологических предпосылок, концепций, терминологических аппаратов, принятых в триадологии и философии Другого, разумеется,

позволит углубить понимание концепций как триадогии, так и философии Другого. Наконец, что нам представляется наиболее актуальным: выявление социально-антропологических следствий того факта, что и в триадологии и в философии Другого применяются общие методологические принципы, дает возможность уточнить представления о генезисе концепции личности от Поздней Античности до современности. На этом же пути мы находим необходимый материал для дескрипции и аналитики современной концепции личности. Итак, оптимистично оценивая перспективы исследования, предпринимаемого с целью выявления и анализа общих теоретических оснований триадологии и философии Другого, можно ожидать следующих результатов. Это, во-первых, укоренение философских изысканий XX в. в истории теоретической мысли IV в.; во-вторых, совершенствование стратегии историко-философского изучения философских концепций и философского содержания богословских теорий IV в.; наконец, в третьих, анахроническое привлечение триадологического теоретико-методологического аппарата к анализу предпосылок философии Другого позволит в новом ракурсе исследовать современные антропологические концепции.

Литература

1. Byzantine Philosophy and its Ancient Sources / Ed. by K. Ierodiakonou. Oxford: Clarendon Press, 2004.
2. Успенский Ф. И. Очерки по истории Византийской образованности. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1891.
3. *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches. München: Beck, 1891.
4. Снасский А. История догматических учений в эпоху Вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Сергиев Посад, 1906.
5. Dialogue as a Trans-disciplinary Concept: Martin Buber's Philosophy of Dialogue and its Contemporary Reception / Ed. by P. Mendes-Flohr. Berlin/Boston: De Gruyter, 2015.
6. *Riessen R.* Man as a place of God Levinas' Hermeneutics of Kenosis. Dordrecht: Springer Netherlands, 2007.
7. *Sealey K.* Moments of disruption: Levinas, Sartre, and the question of transcendence. Albany: State University of New York Press, 2013.
8. *Strhan A.* Levinas, subjectivity, education towards an ethics of radical responsibility. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2012.

9. Wang S. Aquinas and Sartre: On Freedom, Personal Identity, and the Possibility of Happiness. Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2009.
10. Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Ред. Р.М. Шукуров. М.: Алетейа, 1999.
11. Benakis L. Byzantine Philosophy В. Athenai: Parousia, 2013.
12. Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München: Beck, 1978.
13. Nigel G.W. Scholars of Byzantium. Cambridge, Mass.: The Medieval Academy of America, 1996.
14. Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. Der Streit um die theologische Methodik in der spatbyzantinischen Geistesgeschichte (14–15 Jahr.). München: Beck, 1977.
15. Tatakis B. La philosophie Byzantine. Paris: Presses universitaires de France, 1949.
16. Behr J. Becoming Human: Meditations on Christian Anthropology in Word and Image, New York: St Vladimir's Seminary Press, 2013.
17. Panayiotis N. Deification in Christ. Orthodox Perspectives on the Nature of the Human Person. Crestwood, New York: St Vladimir's Seminary Press, 1987.
18. Zizioulas J. D., McPartlan P., Williams R. Communion and Otherness: Further Studies in Personhood and the Church. London, New York: T&T Clark, 2009.

Evgeny A. Makovetsky

Triadology and the Philosophy of the Other: Perspectives for Diachronic Analysis

Abstract. A comparative analysis of the theoretical foundations of triadology and philosophy of the Other is important both for understanding the concepts that emerged within the philosophy of the Other and for determining the place of Byzantine philosophy in the history of philosophy. The article reveals the points of conceptual intersections between triadology and the philosophy of the Other, formulates the prerequisites for diachronic analysis, and describes its perspectives.

Keywords: philosophy of the Other, history of Byzantine philosophy, triadological theology, modern society, concept of personality.

Makovetsky Evgeny Anatolyevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.